

НАВСЕГДА ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ

Есенин...

Порою одно только это звукосочетание заставляет прерывистой биться моё сердце, далеко не вчера “тронутое холодком”.

Есенин...

Для меня одно это имя — как позывной сигнал самой несказанной русской поэзии, неизрекаемой — кровной и насущно-неизъяснимой, — как само понятие родины.

Есенин...

Под светильником этого имени моя шалопутная душа нащупывала собственную поэтическую тропку (тем паче, что мы “календарные братья” — день в день — и именно октября). И не где-то нащупывала, а под небушком в крупную клетку — как, видно, было угодно самой моей безбашенной планиде. И недаром, сдаётся, не одно десятилетие над моим письменным “станком” висит его “образ”, запечатлённый на обыкновенном берёзовом срезе безыскусной кистью давно покинувшего белый свет безвестного русского мастерового-пропойцы...

Я выхожу в октябрьскую стынь, отрешённо выбредая туда, где “о красном вечере задумалась дорога”, где на окраинных крышах закатная заря, “как котёнок, моет лапкой рот” и “словно бабочек лёгкая стая, // с замираньем летит на звезду” сиротливо-кручинная листва под невыразимо-глобальную мелодию пронзительной есенинской кантаты:

Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.

Я уже, конечно, не захлебнусь “лихой самогонкой”, как “соломой пропахший мужик”, но и наверняка не разминусь с известным русским заведением, так родственным мне и любым ещё и потому, что под его окошками “горит костёр рябины красной”, который по-своему согреет не тело, так душу, простёртую к нашей общей с поэтом Родине, которую так любил мой поэтический вожатый.

*Владимир БОЛОХОВ,
г. Новомосковск Тульской области*

ВЛАДИМИР БОЛОХОВ



ЕСЕНИНСКИЙ СОРОКОУСТ

Трубит, трубит погибельный рог!
Сергей Есенин. “Сорокоуст”

1

Опять знобят заветные слова,
что всё пройдёт — как яблоневый дым,
что смерть и на погосте — трын-трава:
под жизнетворным стоном молодым...

Рязанский дух над Тульщиной осенней
мятётся в день рождения не зря:
мой календарный брат Сергей Есенин,
мы кровники не только октября.

И я скажу до дна на этот раз,
покуда надо мной не прохрипели
часы планидные двенадцатый мой час
в каком-нибудь заштатном “Англетере”.

Ловчились муровать и шельмовать
тебя литературные кастраты.
Да шутка ли — с эпохой шутковать,
и правда есть, да нету виноватых.

Теперь гнут, как нищий заклинанья:
“лицом к лицу лица не увидеть”,
блудливые строча воспоминанья
в тшете своё холуйство оправдать.

Что ж, им не внове памятники ставить,
в архивах жечь предательский навет.
Проклятьем заклеимённый “мечь и славить”
споткнулся не об их ли пистолет?

И не они ль чуть не вчера бубнили
про “Англетер” и про “смертельный мел”?..
А ты всё в той же несказанной силе,
как и при жизни — искренен и смел.

Пусть новым литкликушам на потребу
сервильно-стадионная “звезда”
бесовский выкаблучивает ребус,
тряся стилем исподнее... Христа...

И пусть иной — страхованный — вития
с презервативной храбростью орёт...
Твоим стихам подмости — вся Россия,
которая Есенина поёт.

А сам я вновь опавшим клёном брежу
и рассказать об этом не берусь...
Оплакав замордованную свежесть,
всё так же пляшет у забора Русь.

2

Заклеймённый бубновою метой,
да с таких серо-розовых пор,
не родись я отпетым поэтом,
вряд ли б вышел с меня прокурор.

Уж не помню, кричал ли я маме,
брод к себе наводя через сброд,
что душа у меня, а не камень,
и не надо её — как в живот...

То, что сплыло — душа не забыла.
И сквозь лай, улюлюканье, вой
ей, не каменной, всё ещё мило
заклеймённое метой живой.

И — предавшей, но всё-таки маме
вновь шепчу, брод сыскав через сброд,
что душа — не запазушный камень,
тот, кто жив, — у того заживёт...

И пусть нешуточен закатной смуты морок,
как в юности этапный спецконвой,
своё сплясав-отплакав под забором
страны родной, я не помру — живой.

3

Жеребёнок! — на автотрассе,
в самой гуще громад городских.
И — ау! Где вы, страсти-мордасти
прогрессивных нелепиц людских?

Вот уж диво воистину дивное:
жеребёнок! И вдарился я
следом за малышнёю лавинною —
что там голову! — душу сломя.

Ребятня погалдела и стаяла.
А жеребчик трусил вдоль аллея,
будто зная дорожные правила, —
не есенинский дуралей!

Но такая ж младенчески-милая
вещь в себе, чьей натуре плевать,
что её и фотонною силою
бренной мысли вовек не догнать.

Не догнать черепаху Ахиллу
с уязвимой — в бессмертье — пятой...
Жеребёнок! Куда же ты, милый!?
Снизойди к человеку! Постой...

4

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

С. Есенин

И повстречал нечаемым ненастьем
донской предел. Но, видит Бог, не зря,
стихиям сокровенным лишь подвластен,
я вновь с тобой, насыщенная земля.

От искуса экзотик инобытных
бежал я, как зверюга от огня.
Дурак ли я набитый — не набитый,
ты не осудишь, родина, меня.

Ты всё поймёшь, расхристанная роща,
багрянцем ранневременным соря.
Пусть ошалелый дождик нас полощет,
в котором грустно весел я не зря.

Не всё ль одно — что там с подглазной кожи
стекает... Я к себе сегодня гость.
И, как никто, согреться мне поможет
продрогшая рябиновая гроздь.

Ныряю бесприютными губами
в её ознобно-ягодный костёр:
и ледяное животворно пламя
тому, кто душу к родине простёр...